

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

A movie poster featuring a woman in a red velvet dress and a man in a dark hooded cloak with a sword. In the background, a large dragon looms over a castle. The title is written in large, stylized letters at the bottom.

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ.

Я ВЫШЛА ЗА
ЕГО ПАЛАЧА

Виолетта Весна

**Развод с драконом. Я
вышла за его палача**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод с драконом. Я вышла за его палача / В. Весна — «Автор», 2026

Муж изменил мне, а потом добился смертного приговора для нашего сына. После первого обращения Ян не смог вернуться в человеческий облик. Гердан объявил его одичавшим драконом и велел мне уйти, пока исполняют приказ. Но мой мальчик по-прежнему меня узнавал. Я осталась с ним. Королевский палач Мартен Роос заподозрил то, о чем молчал наш врач: обращение было испорчено чужими чарами. Он остановил казнь и потребовал нового осмотра. У нас появился шанс спасти Яна и выяснить, кто хотел его смерти. Теперь я добиваюсь развода и учусь жить с сыном за стенами прежнего дома. Мартен помогает нам, а я все чаще жду его прихода задолго до условленного часа. Мне хочется коснуться его, узнать, какой он дома, остаться рядом после ужина. Только Ян помнит, зачем этот мужчина впервые появился у нашей двери. И если вина Гердана будет доказана, исполнить приговор могут поручить тому, кого мне уже трудно отпустить.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Человек у двери	5
ГЛАВА 1. Пока он меня узнает	8
ГЛАВА 2. Чужие чары	17
ГЛАВА 3. Комната для нас двоих	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виолетта Весна

Развод с драконом. Я вышла за его палача

ПРОЛОГ. Человек у двери

Муж попросил меня выйти, чтобы я не видела, как убьют нашего сына.

Он стоял по другую сторону двери. Я слышала его достаточно хорошо, но все равно переспросила:

— Что ты сказал?

— Аделина, коронные люди уже здесь. Открой. Тебе незачем при этом присутствовать.

Во дворе скрипели колеса. Кто-то велел отвести лошадей подальше от окон, затем раздались шаги по каменным ступеням. Я сидела на полу возле скамьи и держала миску с водой. Ян до нее не дотянулся, когда я предлагала ему пить в последний раз. Нужно было придвинуть ближе, но сейчас я боялась пошевелиться.

Сын лежал вдоль стены, подогнув переднюю лапу. В складке на шее осталась пыль от разбитой вчера перегородки. Я пыталась стереть ее мокрой тряпкой, пока он позволял к себе прикасаться. Потом началась дрожь, и пришлось отойти.

От его затылка до конца хвоста было шага четыре. Вчера утром я еще поправляла на нем рубашку и выслушивала, что ворот слишком тесный. Теперь та рубашка лежала рядом с моими коленями. Я принесла ее, когда стало ясно, что к обеду Ян не вернется в свою комнату.

— Он узнает меня, — сказала я. — Гердан, послушай. Всю ночь он поворачивался, когда я его звала. Сейчас ему больно, он почти не двигается, но он меня узнает.

— Ты не спала и не можешь судить о его состоянии. Лодер все объяснил.

По дымчато-серому боку Яна прошла судорога. Край крыла заскреб по плитам, скоба на передней лапе звякнула о камень. Я поставила миску и потянулась к сыну, однако он резко дернул головой. Мои пальцы остановились в воздухе.

— Я здесь. Сейчас не буду тебя трогать.

Пять дней назад я застала Гердана у спальни Селесты. Он тогда даже не попытался солгать. Велел дожидаться первого обращения Яна и до тех пор не устраивать скандалов. Я подчинилась: сын так долго готовился, так хотел, чтобы отец им гордился.

Теперь Гердан привел человека, который должен был его убить.

— Госпожа Ларн, — произнес незнакомый голос. — Меня зовут Мартен Роос. Я должен осмотреть вашего сына. Дверь заперта изнутри?

Я взглянула на засов. Можно было сесть поперек порога, заставить их вытаскивать меня силой. На сколько минут это задержало бы палача?

— Вы палач?

— Да. Но до осмотра я не приступлю к исполнению приказа. Отойдите от двери, если не можете открыть ее сами: я не хочу, чтобы вас ударило створкой.

Я поднялась, опираясь ладонью на стену. От долгого сидения нога онемела, пришлось подождать, пока я снова смогла на нее наступить.

— Сначала вы меня выслушаете.

— Я слушаю. Откройте, пожалуйста.

Я отодвинула засов.

Незнакомец стоял впереди Гердана. Высокий, в темном дорожном сюртуке, с открытым лицом и короткими волосами, примятыми на висках. У пояса висел меч. Я посмотрела на рукоять и уже не смогла отвести от нее глаз.

— Вы мать Яна Ларна? — спросил он.

Я кивнула. Он назвал сына по имени, и от этого мне стало трудно ответить.

Гердан шагнул к порогу.

— Не подходите к нему. Последний приступ начался без предупреждения. Моя жена отказывается уходить, но вы понимаете, что подвергать людей такой опасности нельзя.

Роос посмотрел поверх моего плеча, затем на широкие створки, выходящие прямо в учебный двор.

— Кто еще находится внутри?

— Никого, — ответила я. — Только мы.

— Томас, освободите проход во двор. Людей от окон уберите.

Молодой мужчина за его спиной кивнул. Второй коронный служащий остался у наружной двери. Я посторонилась ровно настолько, чтобы Роос прошел, и сразу вернулась к скамье. Между нами и Яном оставалось несколько шагов.

Палач достал сложенный лист.

— Здесь записано, что он перестал узнавать близких и неоднократно нападал на людей. Вы говорите, что он вас понимает. Что он делает в ответ на ваши слова?

— Я просила его не двигаться, пока убирала доски из-под крыла. Он лежал. Потом попыталась повернуть голову, чтобы дать ему воды. Он повернул.

— Остаточная привычка, — сказал Лодер.

Врач появился рядом с Герданом, в том же сером жилете, что и вчера. Я всю ночь ждала, когда он вернется осмотреть Яна.

— Он выполняет знакомые действия, — продолжил Лодер. — Иногда такое сохраняется и при полной утрате разума. Я предупреждал госпожу Ларн, что не следует принимать это за улучшение.

Роос опустил лист.

— Тогда попросим сделать что-нибудь новое. Он различает названия предметов?

— Он понимает все, что я говорю. Позвольте мне поговорить с ним.

Я присела на край скамьи. Пришлось позвать сына дважды, прежде чем он посмотрел на меня.

Томас отворил створки во двор. В помещение проник солнечный свет; на полу стали видны мелкие щепки и след от пролитой воды. Роос снял перчатку и протянул ее помощнику.

— Положите на подоконник. Госпожа Ларн, попросите сына посмотреть сначала на перчатку, потом на меня. Без жестов.

Я убрала руки на колени.

— Ян, ты слышал? Посмотри, куда положили перчатку. Она у окна, рядом с тобой.

Он не шевельнулся. Лодер вздохнул, и мне захотелось закричать на него, потребовать тишины, потому что я не могла одновременно слушать этот вздох и ждать сына.

Ян медленно повернул голову к окну.

— Хорошо. Теперь посмотри на господина Рооса. Это тот, кто стоит возле меня.

Сын перевел взгляд на палача. Я прижала ладони к коленям, сдерживая желание повторить, доказать всем сразу, что они ошиблись.

— Еще одну просьбу, — сказал Роос. — Пусть закроет глаза и откроет, когда вы досчитаете до трех.

Я попросила. Пока считала, смотрела на темные веки сына. На слове «три» они поднялись.

Никто не заговорил. Роос сложил приказ и убрал его в сумку.

Ян попытался подтянуть лапу. Металл царапнул плиту, тело выгнулось, и из его горла вырвался сдавленный звук. Я вскочила. Роос выставил руку, преграждая мне путь.

— Подождите. Дайте ему место.

Я осталась стоять. Мне пришлось вцепиться в спинку скамьи, чтобы не броситься к сыну.

Под краем железной скобы смялась повязка. На мгновение между пластинами чешуи показалась светлая кожа, затем лапа снова вытянулась, упершись когтями в пол.

— Когда надели скобы? — спросил Роос.

— После первого приступа, — ответил Лодер. — Требовалось ограничить его движения.

— Эти скобы удерживают взрослого дракона в человеческом облике. У мальчика обращение не закончено. Вы видели, что происходит с лапой?

Он подошел сбоку, оставляя Яну свободный выход во двор, и опустил на одно колено на расстоянии вытянутой руки.

— Я посмотрю повязку, — сказал он мне. — Если сын начнет двигаться, я отступлю. Вам подходить не нужно.

— Ян, он хочет посмотреть, где у тебя болит. Я останусь здесь.

Мне не хватило дыхания добавить что-нибудь еще. Роос выждал, пока сын перестанет дрожать, и приподнял свободный край ткани. Я увидела две темные линии, уходившие под перевязку. Вчера Лодер назвал их следами тяжелого обращения.

Палач долго смотрел на них, потом осторожно опустил ткань.

— Томас, принесите ключи к скобам из нашей укладки. Их нужно снять.

Лодер шагнул вперед.

— Я отвечаю за лечение этого ребенка.

— Тогда отойдите от его головы. Сейчас вы мешаете.

Гердан положил руку на плечо врача и удержал возле себя.

— Роос, вам передан коронный приказ. Все необходимые заключения в нем есть. Вы намерены подвергнуть нас новому нападению из-за того, что мать научила его закрывать глаза?

— Я намерен вызвать другого врача. Состояние мальчика не соответствует заключению, на основании которого выдан приказ. Исполнение приостановлено на трое суток.

Я услышала его, но не сразу поняла.

— Его не заберут?

— Для исполнения — нет. Сначала независимый осмотр. Дальнейшее решение примет суд.

— А если вы уедете и Гердан велит вашим людям продолжать?

Муж резко произнес мое имя. Я смотрела на Рооса.

— Мои люди подчиняются мне, — ответил он. — Я останусь до прибытия врача. Томас отправит в Вестен уведомление, вам выдадут копию акта об отсрочке.

— Мне нужна она сейчас. С вашей подписью.

Он кивнул помощнику, вернувшемуся с ключами.

— Сначала снимаем скобы. Затем пишите в двух экземплярах и вызывайте врача из коронного лечебного двора.

Я пододвинула миску к скамье, чтобы никто не опрокинул воду. Потом взяла с пола рубашку Яна. Все это время я старалась не думать о том, что больше никогда его в нее не одену.

Теперь я расправила ворот и положила рубашку на сухое место, подальше от чужих сапог.

ГЛАВА 1. Пока он меня узнает

Я едва не попросила Рооса оставить все как есть, когда он взялся за первую скобу. Лодер вчера несколько раз предупреждал: стоит убрать железо, Ян бросится на того, кто окажется ближе. Я не верила, что сын способен намеренно причинить мне боль. Но за ночь так привыкла бояться каждого его движения, что при виде ключа зажала рот ладонью.

Роос это заметил.

— Не нужно подходить. Оставайтесь возле скамьи, чтобы он вас видел. Томас, придержите нижнюю часть. Когда откроется замок, она упадет.

Помощник опустил руку на колено с другой стороны лапы. Они работали молча, и я слышала, как ключ скребет внутри железного корпуса. Потом что-то щелкнуло. Ян вскинул голову, Роос убрал руку и дождался, пока сын снова положит подбородок на пол.

Из-под разомкнувшейся скобы высвободилась смятая повязка. Томас подхватил тяжелую половину железного кольца прежде, чем она ударилась о плиты. Еще через несколько мгновений обе части лежали в стороне.

Ян вытянул лапу.

Так осторожно, что я сначала не поверила, что ему это удалось. Когти больше не скребли по камню. Он некоторое время держал лапу перед собой, затем положил ее свободнее, а я смотрела и ждала обещанного нападения.

Сын только глубоко вдохнул.

— Теперь вторую, — сказал Роос.

Я опустила руку, провела языком по прикушенной губе. Пока мужчины возились со вторым замком, я объясняла Яну, что они делают. Мне казалось, если он будет понимать, чего ждать, ему станет хоть немного легче.

Когда убрали последнее железо, Ян попытался подтянуть к груди обе лапы. По коже возле плеча прошла рябь, край крыла судорожно расправился и снова опустился. Я увидела, как напряглась его шея, и шагнула вперед.

— Он опять пытается вернуться, — сказала я. — Каждый раз начинается вот так. А потом ему становится хуже.

Роос поднялся, отступая к скамье.

— Дайте приступу закончиться. Скобы сняты, но мы еще не знаем, что мешает обращению.

Ян лежал, часто и неглубоко дыша. Человеческая кожа, на мгновение проступившая возле плеча, снова скрылась под чешуей. Я заставила себя дожидаться, когда он перестанет дрожать, и позвала по имени.

Он открыл глаза.

— Ты хотел воды. Я сейчас принесу, только миску возьму побольше.

Обычная кухонная миска была слишком мала: сын не мог удобно опустить в нее пасть. До этой минуты я упрямо подносила ему воду так, как делала это, когда он болел человеком. Теперь пришлось попросить широкий таз.

Один из стоявших за дверью слуг ушел за тазом. Роос повернулся к Лодеру:

— Господин Кант, оставьте все записи о первом обращении. Подлинники заключений тоже потребуются.

Лодер разгладил ладонью жилет.

— Они переданы управляющему вместе с остальными бумагами. Вы их получите.

Я взяла у слуги таз, налила воду и опустилась возле скамьи.

— Ян, посмотри сюда. Я пододвину, а ты не торопись.

Он поднял голову. Я толкнула таз ближе и убрала руки. Сначала сын только намочил нижнюю челюсть, потом сумел набрать воды. Несколько капель скатились по светлой челуе на груди.

Я заплакала именно тогда, когда он начал пить. До этого даже глаза оставались сухими. Пришлось отвернуться и вытереть лицо рукавом, чтобы не пугать его еще больше.

Томас подвинул мне скамью. Я села, продолжая смотреть на сына.

Роос диктовал помощнику короткими фразами. Я разобрала слова «осмысленная реакция», «незавершенное обращение», «неподходящие удерживающие средства». Хотела спросить, почему он ничего не говорит о двух темных линиях, но он как раз велел занести в акт и их.

— Причина следов не установлена, — добавил он. — Так и запишите.

Гердан слушал, скрестив руки на груди. Когда Роос протянул мне готовый лист, муж тоже потянулся за ним.

— Это экземпляр для госпожи Ларн, — сказал палач. — Вы сможете прочитать, когда она ознакомится с ним.

Я приняла бумагу обеими руками. Внизу стояли подпись Рооса и оттиск коронной служебной печати. Томас расписался рядом как свидетель осмотра.

— Здесь трое суток, — сказала я, прочитав последний абзац. — К этому же часу через три дня вы снова приедете?

— До истечения срока независимое заключение должно попасть в суд. Если обследование потребует больше времени, врач попросит о продлении, и суд рассмотрит просьбу.

— Должно попасть или попадет?

Роос посмотрел мне в лицо.

— Я отправляю уведомление сейчас. Вместе с вызовом врача. Мой помощник вернется с ним из Вестена. На дорогу туда и обратно уйдет около четырех часов.

Я перечитала бумагу. В ней не было обещания вылечить Яна. Но подпись принадлежала человеку, который только что добился, чтобы сыну сняли скобы. Я сложила лист так, чтобы не смять печать.

Я убрала бумагу во внутренний карман платья, к ключам от бельевой.

Томас ушел. Я слышала, как его окликнули во дворе, затем затопали копыта. Роос остался у двери и попросил второго служащего проверить, нельзя ли закрыть часть прохода от ветра, сохранив достаточно места для Яна.

Гердан проводил посыльного взглядом.

— Аделина, выйди со мной. Нам нужно поговорить.

Я поправила край своей юбки, на которую попала вода.

— Говори здесь.

— Я не намерен обсуждать наши семейные дела при коронном исполнителе.

— Тогда подожди, пока он закончит работу. Я останусь с Яном.

Муж приблизился. Я почувствовала знакомый запах его мыла, увидела на манжете темную пуговицу, которую сама пришивала в начале лета. Мне стало дурно от этой близости. Еще неделю назад я могла коснуться его рукава, чтобы попросить наклониться и сказать что-нибудь на ухо.

— Ты слишком устала, — произнес он тише. — Сейчас тебе кажется, что все можно исправить, если достаточно сильно этого захотеть. Мне тоже тяжело смотреть на сына. Но иногда приходится принять то, чего мы не можем изменить.

Я подняла голову.

— Он только что выпил воду. Сам. До этого у него не получалось.

— Это ничего не доказывает.

— Это значит, что он хотел пить и наконец смог. Мне сейчас достаточно.

Гердан задержал на мне взгляд, потом обернулся к Лодеру.

— Позаботьтесь, чтобы к приезду вашего коллеги все было готово. Я буду у себя.

Он ушел, не подойдя к Яну. Сын следил за ним до тех пор, пока дверь не закрылась. Потом повернул голову ко мне, и я присела рядом с тазом, хотя ноги все еще плохо слушались.

— Я никуда не уйду. Врач придет вечером, а до тех пор мы побудем здесь.

Мне хотелось добавить, что отец вернется. Я уже открыла рот, но удержалась. Гердан этого не обещал.

Пока мы ждали врача, Ян то закрывал глаза, то просыпался от непроизвольной дрожи. Я меняла воду, оттаскивала от его хвоста щепки, спрашивала, не нужно ли подложить сложенное покрывало под голову.

Под конец он раздраженно отвернулся.

Я осталась сидеть с покрывалом в руках. Он и прежде не любил, когда я поправляла подушку, которую он только что устроил по-своему. Я положила ткань рядом и больше не задавала вопросов, пока сын сам не повернулся ко мне.

Роос проверил переданные Лодером бумаги, велел вынести оставшиеся обломки перегородки и спросил, когда я ела. Я ответила, что утром. Он попросил принести мне хлеб и теплую воду.

Я съела кусок, потому что начала дрожать от голода. Второй завернула в платок. Мне все казалось, что Ян сейчас поднимет голову уже мальчиком и тоже попросит есть.

Когда во дворе снова послышалась повозка, за окнами темно.

Лекарь из Вестена оказался пожилым сухощавым мужчиной с кожаной сумкой, которую он сразу поставил на свободную скамью. Томас шел за ним, держа фонарь. На одежде обоих была дорожная пыль.

— Кто оставался при ребенке после обращения? — спросил лекарь.

Я поднялась.

— Я. С самого начала.

Он выслушал меня прежде, чем стал читать заключение Лодера. Я торопилась, сбивалась, возвращалась к тому, о чем уже сказала. На вопрос, в какое время Ян перестал пытаться встать, смогла ответить только приблизительно: ближе к рассвету. Лекарь записал и не стал требовать точного часа.

Лекарь осмотрел лапы, осторожно убрал смявшуюся ткань, поднес фонарь к темным линиям. Прежде чем снимать повязку окончательно, позвал Томаса засвидетельствовать, откуда именно ее сняли. Ткань положили на чистый лист, завернули и запечатали. Мне объяснили, что это потребуется для повторного осмотра.

Лодер стоял у дверей. Я заметила, что он собирается заговорить, и попросила:

— Подождите. Пусть сначала посмотрят.

Лекарь некоторое время следил за дыханием Яна, дождался, пока тот перестанет дрожать, и выпрямился.

— Сегодня заставлять его обращаться больше нельзя. Я дам средство от боли, мы согреем помещение и позволим ему поспать. Утром, если состояние останется таким же, его можно будет перевезти в лечебный двор.

— Почему не сейчас? — спросила я.

— Нам нужна подходящая повозка. На жестком узком дне он не выдержит дороги. И перед перевозкой я хочу увидеть, как он отдохнет после снятия скоб.

— Он останется драконом до утра?

Лекарь посмотрел на меня, и я поняла ответ раньше, чем он заговорил.

— Возможно. Сейчас я не могу обещать другое.

Я кивнула и отошла к стене, чтобы никто не видел моего лица. Мне потребовалось немного времени, прежде чем я снова смогла повернуться к сыну.

Гердан пришел, когда лекарь уже устроился возле Яна. Муж задержался у скамьи, на которой лежали врачебные принадлежности, и сразу спросил, на каком основании собираются увозить его наследника.

— Ему требуется обследование, которое я не могу провести здесь, — ответил лекарь. — В лечебном дворе есть и нужные средства, и врач, постоянно работающий с первыми обращениями.

— Тогда я приглашу этого врача в Грон.

— Вместе с помещениями и всем оснащением вы его не пригласите.

Гердан повернулся к Роосу.

— Вы получили право на отсрочку. Это не дает вам права распоряжаться моей семьей.

— Подготовка к исполнению приостановлена из-за расхождений при осмотре. Проверка будет независимой. Подтверждение моих полномочий вы найдете в уведомлении.

Я выпрямилась у стены.

— Я повезу Яна в Вестен.

Муж посмотрел на меня так, словно впервые заметил, что я все еще здесь.

— Ты не знаешь, о чем говоришь. Ему нужен постоянный уход. Ты два дня не можешь привести в порядок даже себя.

Я опустила глаза на платье. Подол намок, на рукаве осталась пыль, ворот натер шею. У меня действительно не было сил сменить одежду, пока сын не спал.

— Поэтому я повезу его туда, где ему помогут. Мне не нужно лечить его самой.

— Ты ни разу не оставалась с ним одна во время подготовки. Когда потребовались настоящие знания, ты всегда звала Лодера.

Я посмотрела на врача. Он молчал, стоя возле двери. Вчера именно он велел мне отойти от сына и верить людям, которые разбираются в обращениях. Сегодня я выполнила этот совет и собиралась довериться другому человеку.

— Утром мы уедем, если лекарь разрешит дорогу, — сказала я. — Я буду рядом с Яном.

Гердан потребовал отправить ему заключение после повторного осмотра и ушел. Для перевозки выбрали низкую широкую повозку, на которой привозили плиты для мощения. Лекарь осмотрел ее при свете фонаря, велел убрать все, за что могло зацепиться крыло, настелить ровное дно и приготовить соломенные тюфяки. Работы было до утра.

Яну дали средство от боли, а позднее — немного теплого бульона в широкой плошке. Он уснул. Я следила за его дыханием, пока не убедилась, что он больше не вздрагивает при каждом вдохе.

— Вам нужно собрать вещи, — сказал лекарь. — Я останусь здесь. Если он проснется, за вами пошлют.

Роос стоял у открытых створок. Он слышал наш разговор.

— У дверей будет коронный служащий. Без разрешения врача к мальчику никто не подойдет.

Лекарь положил ладонь на спинку скамьи рядом с собой, показывая, где будет сидеть. Только после этого я смогла уйти.

В переходе пахло воском и горячей едой. Возле лестницы слуга нес накрытый поднос. Он посторонился, увидев меня, и опустил глаза. Я вдруг поняла, что в замке подали ужин. Люди сели за стол, попросили хлеба, налили вино. На кухне мыли посуду. Пока я считала, сколько раз Ян сумел глотнуть воду, здесь закончился обычный день.

В моей комнате горели две свечи. На кровати лежала ночная рубашка, приготовленная служанкой. Я взяла со спинки кресла дорожный плащ и некоторое время держала его, не понимая, куда собиралась положить.

В прошлый раз мы ездили в Вестен вдвоем. Гердан сидел рядом с сыном и рассказывал, с какой городской башни удобнее взлетать при западном ветре. Ян перебивал, задавал один вопрос за другим. Муж смеялся и обещал, что однажды они вместе облетят стены.

Я положила плащ на постель и достала дорожную сумку.

Сменное белье, чулки, гребень, второе платье. Пока я складывала вещи, руки стали слушаться лучше. В кошельке нашлось несколько серебряных монет и медь. Я взяла все, не пытаюсь сейчас подсчитать, на сколько дней этого хватит.

В комнате Яна оставались раскрытая книга и недостроенный воздушный змей. Сын натянул бумагу на деревянные планки и все никак не мог решить, каким сделать хвост. На столе лежали две ленты: моя старая зеленая и узкая желтая, которую он выпросил у прислуги.

Змей не помещался в сумку. Я взяла книгу, две рубашки с мягкими воротами и вязанные чулки. Дверь закрыла осторожно, будто сын уже лег спать и я боялась его разбудить.

Возвращаясь, я прошла мимо лестницы в гостевое крыло. Пять дней назад Гердан оставил меня именно здесь. Селеста осталась в спальне, а он вышел, застегивая манжету.

Я спросила, как давно это продолжается.

Он ответил, что разговор ничего не изменит. Потом, когда я потребовала все-таки посмотреть мне в глаза, раздраженно сказал, что Селеста ему нужна и он не намерен от нее отказываться.

Я не устроила скандала. Вернулась к себе и долго смотрела на дорожную сумку внизу шкафа. Потом позвала Яна, чтобы спросить, как прошли занятия, и так и не сказала ему, что хотела уехать.

Теперь сумка тянула плечо. Я переложила ее в другую руку и пошла быстрее.

Лекарь сидел там, где обещал. Ян спал. Роос разговаривал вполголоса с Томасом, а возле створок на табурете устроился второй служащий. Они подняли головы, когда я вошла, и снова занялись своими делами.

Никто не спросил, зачем мне столько вещей.

Я убрала в сумку рубашку Яна, оставленную на скамье, сняла плащ и укрыла им колени. Под утро ненадолго уснула сидя. Проснулась от того, что голова неудобно запрокинулась и заболела шея. Ян уже смотрел на меня.

— Я здесь, — сказала я сонно. — Только задремала.

Он опустил веки. Я погладила край его крыла там, где лекарь разрешил касаться, и впервые за двое суток смогла некоторое время просто сидеть рядом.

Утром воздух во дворе был холодным. Над травой возле стены лежала роса. Работники подвели готовую повозку к широким створкам и положили пологий помост. На ровном дне лежали тюфяки, по краям закрепили свернутые одеяла, чтобы Ян не ударился о борта.

Лекарь еще раз осмотрел его и разрешил перевозку.

Он опирался на передние лапы, осторожно переносил вес и замирал. Один из работников держал под грудью широкую полосу плотной ткани; второй следил за крылом. Лекарь объяснил, где можно поддерживать и когда нужно ослабить натяжение. Роос стоял сбоку от помоста и следил, чтобы никто не тронул мальчика.

Я шла впереди на расстоянии нескольких шагов. Не звала за собой, пока лекарь не говорил, что можно двигаться дальше. Ян добрался до настила, сделал еще два коротких шага и лег. Хвост пришлось осторожно устроить вдоль борта.

Я поднялась в повозку со стороны головы. Для меня оставили место на низкой скамье, достаточно далеко от сложенного крыла. Лекарь сел рядом с возницей. Томас закрепил дорожную сумку и подал мне плащ.

Перед отъездом я все же посмотрела на окна жилого крыла.

Гердан стоял у нижней ступени крыльца. На нем был верховой кафтан. Он разговаривал с управляющим и, когда наши взгляды встретились, сделал движение рукой, словно хотел позвать меня. Я осталась сидеть.

— После осмотра мне доложат, — сказал он, подходя ближе. — Ты пока останешься при лечебном дворе. Не нужно разносить по городу разговоры о том, чего ты не понимаешь.

Я придержала плащ на коленях.

— Я буду говорить с теми, кто лечит Яна.

Он посмотрел на сына. Ян чуть поднял голову, но Гердан уже обращался к Роосу, требуя назвать время, когда можно будет получить сведения. Палач предложил направить запрос в лечебный двор.

Повозка тронулась. Я положила ладонь на борт и смотрела на дорогу, пока мы не миновали ворота.

Первые минуты я ждала окрика. Казалось, нас вот-вот остановят, велют повернуть обратно, начнут проверять сумку. Потом замок скрылся за деревьями, и пришлось сосредоточиться на Яне: он пытался устроить голову удобнее.

Лекарь показал, как подложить под шею свернутое одеяло. Я сделала это, когда повозка остановилась на ровном месте. Сын закрыл глаза, и дальше мы ехали почти без разговоров.

За мостом показалась длинная полоса осин. Я ездила здесь много раз, но прежде никогда не замечала, как часто колеса попадают на камни.

Роос ехал верхом то впереди, то сбоку. Один раз остановил нас, пока возница объезжал глубокую колею. Больше ничего особенного не произошло. Через два часа мы въехали в Вестен.

Лечебный двор находился за невысокой стеной у городской окраины. Повозка без труда прошла в широкие ворота. Из открытого помещения напротив доносились голоса.

На дальней площадке стоял взрослый рыжий дракон. Он осторожно расправил одно крыло, следуя указаниям женщины у ограды, затем сложил его и повернулся к крытому переходу. Еще недавно я бы даже не задержала на нем взгляд. Теперь не могла отвести глаз от того, как легко он двигался.

— Госпожа Ларн?

К повозке подошла женщина в темном платье и плотном фартуке. В волосах, собранных на затылке, была заметна седина. Она посмотрела на Яна, прежде чем представиться:

— Эльза Ритт. Я буду заниматься вашим сыном. Пока оставайтесь на месте, мы подведем повозку к палате.

— Мне можно с ним?

— Да. Для вас приготовят кровать в соседней комнате. Сейчас важно перенести его без лишнего движения.

Палатой называлось просторное помещение с широкими дверями и низким мягким настилом. В стене было внутреннее окно в маленькую комнату, где стояли кровать, стул и умывальник. Оттуда можно было видеть Яна, не подходя к нему каждый раз.

Эльза показала мне это окно, когда мальчика устроили на настиле.

— Дверь между комнатами остается открытой. Если он захочет вас позвать, вы услышите.

— Он не может говорить.

— Я знаю. Но голосом можно пользоваться и без слов. Мы подберем способ, который ему удобен. Сегодня дайте ему привыкнуть.

Она говорила со мной, одновременно осматривая сложенное крыло Яна. По ее просьбе я рассказала, когда он последний раз пил и как перенес дорогу. Лекарь из Вестена передал свои записи и остался у настила, пока Эльза проверяла лапы.

Я ждала вопроса, почему мать позволила довести ребенка до такого состояния. Вместо этого Эльза спросила, где лежала голова Яна во время приступов и на каком боку ему было легче отдыхать.

На это я могла ответить.

Потом она попросила оставить ей время для осмотра. Я пересела к внутреннему окну. Сын видел меня, когда поворачивал голову, и это помогло нам обоим выдержать следующие полчаса.

К обеду ему сменили перевязки на поврежденных местах и дали немного разваренной каши с бульоном. Я узнала, где брать чистую воду и как позвать сиделку, поела сама. Ян дремал, вытянув шею на сложенном покрывале.

Роос вернулся ближе к вечеру с мужчиной, державшим под мышкой плоскую папку. Тот представился Освальдом Грисом, коронным дознавателем, и попросил меня выйти к столу в соседней комнате.

Я осталась возле открытой двери, откуда был виден сын.

Роос передал дознавателю приказ, акт осмотра и укладку со скобами. Из врачебной комнаты принесли запечатанные свертки с повязками. Освальд сверил подписи на листах и только после этого повернулся ко мне.

— Суд распорядился оставить Яна с вами под наблюдением лечебного двора на время проверки. Забрать его отсюда без нового распоряжения нельзя. Посещения отца требуют отдельного разрешения.

Он положил передо мной заверенный лист.

Я нашла в тексте собственное имя и провела пальцем под строкой.

— Значит, если муж приедет, я не обязана отдавать ему сына?

— Не обязаны. При необходимости зовите дежурного служащего. Копия распоряжения уже передана смотрителю двора.

— Я хочу, чтобы было записано: я согласна на обследование. На все, что нужно, чтобы понять, почему Ян не может вернуться. Гердан говорил, будто я мешаю врачам.

Освальд раскрыл папку.

— Согласие на лечение вы дадите госпоже Ритт. А мне расскажите, когда вы впервые услышали, что сына признали одичавшим. Кто сообщил вам об этом?

Я ответила. Он спросил, видела ли я обоих врачей, чьи заключения указаны в приказе. Я знала Лодера. Второго имени не помнила и не смогла сказать, когда этот человек приходил.

— Возможно, пока меня не было в помещении, — добавила я. — Меня несколько раз просили выйти.

— Тогда пока так и запишем. Когда вспомните, сообщите мне.

Он оставил адрес своей службы и забрал материалы. Роос вышел вместе с ним.

Я сложила новое распоряжение рядом с первым. В кармане уже было тесно, поэтому переложила оба листа в книгу Яна и убрала ее в сумку. Перед тем как закрыть застежку, еще раз проверила подписи.

К ночи в лечебном дворе стало тихо. Изредка в коридоре проходили люди, у ворот переговаривались стражники. Дежурная сиделка принесла мне чистую сорочку и показала, где можно умыться. Я согласилась только после того, как она села при Яне.

Снимать платье оказалось больно. Ткань натерла кожу под руками, пояс оставил глубокую полосу. Я долго стояла над тазом, отмывая пальцы и запястья, потом развязала волосы и обнаружила, что шпилька зацепилась за тугой узел. Пришлось осторожно вытягивать ее, стараясь не дергать пряди.

В дверь постучали, когда я уже надела чистое платье из сумки.

— Госпожа Ларн, вам принесли ужин, — позвала сиделка.

В соседней комнате стоял Роос с подносом. Я собрала со стола разложенные вещи сына, и он поставил ужин на освободившееся место.

— На кухне сказали, вы не пришли за едой. Я шел к дежурному и занес по дороге.

— Я забыла.

— Поешьте, пока теплое. Госпожа Ритт просила сообщить, что ночью будет ее помощник. Если понадобится, он вызовет ее.

Я заглянула через дверь к сыну. Сиделка поправляла одеяло на свободном краю настила. Ян лежал спокойно.

Роос подвинул стул.

— Здесь можно сесть так, чтобы его видеть.

Я села. На подносе были суп, хлеб и кружка теплого настоя. Ложка неловко повернулась в пальцах, пришлось перехватить ее другой рукой.

— У вас болит запястье? — спросил он.

— Просто устала держать таз.

Он поставил кружку ближе. Я смогла зачерпнуть суп, не боясь задеть ее неловким движением.

— Сколько стоит пребывание здесь? — спросила я. — Мне еще никто не сказал, кому платить.

— Проверку коронного приказа оплачивает корона. Это обследование и помощь, необходимая сейчас, в том числе место для вас при ребенке. За дальнейшее лечение отвечает лечебный двор, все условия вам объяснят до того, как потребуется решение.

Я кивнула. Несколько монет в кошельке перестали казаться единственным, от чего зависело завтрашнее утро.

Роос собирался уходить, но я задержала его:

— Если вам завтра скажут, что ваш осмотр был ошибкой, вы поверите?

Он некоторое время молчал.

— Я попрошу объяснить, в чем именно ошибся, и проверить это. Для того и нужно независимое заключение.

— Я боюсь, что он уснет слишком крепко и не ответит, когда его снова попросят открыть глаза.

Роос посмотрел в сторону настила.

— Врачи знают, какие средства ему дали и как он устал. Сейчас от него не требуют отвечать на каждое слово.

Мне стало стыдно. Последний час я несколько раз будила Яна, спрашивая, слышит ли он меня.

— Я все время его зову, — призналась я. — Когда он поворачивается, мне спокойнее.

— Спросите госпожу Ритт, как часто нужно его проверять. Я не врач, не могу подсказать вам режим.

Он произнес это без раздражения. Я отложила ложку и потерла лоб. Мне хотелось получить от него еще одно обещание, но я не знала какое. Все обещания, которые могли меня успокоить, касались здоровья сына, а Роос уже сказал, что не лечит его.

— Спасибо, что принесли еду.

— Оставьте поднос на столе. Его утром заберут.

Он ушел. Я доела суп, позвала сиделку и спросила о ночных осмотрах. Она объяснила, что будет проверять Яна сама, а мне можно лечь в соседней комнате. Мы договорились: если он начнет просыпаться от боли или искать меня, она сразу позовет.

Я отодвинула подушку к той стороне кровати, откуда лучше было видно внутреннее окно. Некоторое время лежала, прислушиваясь, потом встала и проверила, где моя сумка с доку-

ментами. Снова легла. Последнее, что я помнила перед сном, — негромкие шаги сиделки и дыхание сына за стеной.

Проснувшись я на рассвете. Из соседней комнаты доносился шорох, и я села, сразу решив, что Яну стало хуже. Сиделка обернулась ко мне с чистой перевязкой в руках.

— Все спокойно. Он меняет положение, не торопитесь.

Я подошла к двери. Сын потянулся, осторожно переложил лапу и затих. На этот раз я не позвала его. Дождалась, когда он сам заметит меня, и пожелала доброго утра.

Эльза пришла позднее. Сначала осмотрела Яна, затем долго беседовала с лекарем, который сопровождал нас из Грона. Я слышала отдельные слова, но не пыталась собрать из них ответ. Подождала, пока она сама позовет меня.

На столе лежали два листа с рисунками. Эльза указала на тонкие линии возле очертаний лапы.

— Это я срисовала вчера. А это — сегодня, после того как спала припухлость. Посмотрите на расстояние между полосами. С обеих сторон одинаковое.

Я наклонилась. На рисунке все было проще увидеть, чем под чешуей и смявшейся тканью.

— Лодер сказал, что это следы тяжелого обращения.

— Приступы объясняют часть повреждений. Но эти линии продолжают там, где кожа не повреждена. И они не совпадают с краями скоб.

Она дождалась, пока я снова посмотрю на нее.

— Я хочу проверить, не было ли на кожу нанесено что-нибудь, мешающее возврату. Повязки у нас есть, образцы с тела тоже взяты. Сегодня их будут исследовать. Окончательного ответа пока нет.

— Вы считаете, что дело не в самом Яне?

— Я вижу основания искать внешнюю причину. Вспомните, что делали перед обращением. Особенно в то утро. Чем обрабатывали кожу, где накладывали повязку, когда ее сняли.

Я села напротив нее. До этого мне казалось, что нужно вспоминать каждое движение сына: как он упал, кого задел крылом, сколько раз пытался встать.

Теперь я впервые задумалась о том, что происходило до его боли.

— Лодер принес баночку в своем футляре, — сказала я. — Ян спросил, зачем мазать обе руки. Врач ответил, что это поможет ему вернуться.

ГЛАВА 2. Чужие чары

На следующее утро Ян в третий раз отвернулся от миски, и я поставила ее на стол, чтобы не начать уговаривать его сердитым голосом. Каша остывала. На рукав снова попала вода. Я не могла понять, больно ли ему глотать, неприятен ли запах или он просто больше не хотел видеть эту посуду перед собой.

— Хорошо, пока уберу, — сказала я. — Попробуем позднее.

Он положил голову на край настила и закрыл глаза. Я вытерла пол, а затем села в соседней комнате, оставив дверь открытой. До конца отсрочки оставалось несколько часов.

Вчера Эльза забрала образцы на исследование. Когда вечером я спросила ее о результате, она ответила, что ей нужно сравнить пробы и закончить заключение вместе с коллегой. Просьбу о продлении отсрочки уже отправили в суд. Мне оставалось ждать.

Я достала из книги подписанный Роосом акт. За три дня бумага помялась на сгибах. Провела по ним ладонью, хотя знала, что от этого лист не станет ровнее, и снова прочитала последний абзац.

В коридоре раздались шаги. Роос остановился у открытой двери. Я невольно посмотрела на его пояс и сразу перевела взгляд на лицо.

— Из суда пришло распоряжение, — сказал он, протягивая сложенный лист. — Исполнение запрещено до решения по заключению врачей. Сегодняшний срок вас больше не ограничивает.

Я не сразу взяла бумагу.

— Врачи успели?

— Предварительные результаты приложены к просьбе. Их достаточно, чтобы продолжить обследование.

Я прочла распоряжение стоя. Нового часа, к которому Ян обязан был стать человеком, в нем не было.

— Мне нужно где-нибудь расписаться?

— Только в получении вашего экземпляра. Смотрителю двора уже сообщили.

Я расписалась в получении и убрала распоряжение в книгу.

— Госпожа Ритт просила зайти к ней, когда вы получите распоряжение. Она ждет вас в комнате для осмотров.

— Вы знаете, что она нашла?

— Она сообщила о действующих чарах. Подробности объяснит сама.

Я обернулась к сыну. Ян смотрел на меня из соседнего помещения. Я позвала сиделку и сказала ему, куда иду. Он проводил меня взглядом, не пытаясь подняться.

Эльза сидела за столом рядом с лекарем, который приезжал в Грон. Перед ними лежали рисунки следов и несколько небольших пластинок, каждая на своем листе с подписью. На одной тускло светилось синее пятнышко.

— Это материал, взятый с кожи Яна, — сказала Эльза, заметив мой взгляд. — Опечатавшие образцы нам передали на исследование. Пластина показывает, что в них остаются действующие чары. Мы проверили пробы с обеих лап и остатки на повязках.

Я села, не снимая руки с края стола.

— Вы можете определить, что это за чары?

— Да. По результатам проб, следам и тому, как прерывается возврат. Заклинание называется «замок возврата». Оно не дает завершить переход из драконьего облика в человеческий.

Я посмотрела на рисунок. Две тонкие полосы, между которыми Эльза вчера поставила пометки, казались слишком незначительными для того, что произошло с сыном.

— То есть он все это время пытался вернуться?

— Пытался. Он помнит себя, узнает людей, понимает речь. Чары мешают телу завершить изменение, поэтому попытки сопровождаются болью и судорогами. Скобы сделали его состояние еще тяжелее.

Лекарь подвинул к Эльзе исписанный лист. Она поставила подпись и передала его обратно.

Я следила за пером, потому что еще не могла поднять глаза.

— Он не одичал?

— Мы не находим оснований для такого диагноза. Обнаружено внешнее воздействие, которое можно снять. Заключение мы составили вместе.

Я закрыла рот ладонью. Лекарь молча поставил рядом кружку с водой. Я сделала глоток и только после этого смогла спросить:

— Почему Лодер сказал, что эти следы появились от тяжелого обращения?

— Он должен будет объяснить свое заключение дознавателю. Вспомните: вы видели, как он наносил что-то на кожу до первого обращения?

— Да. Вчера я вам рассказала. Обе руки, вот здесь.

Я показала на собственные предплечья. Лодер тогда велел Яну закатать рукава выше. Сын пытался сделать это одной рукой, сердился на узкую манжету, а я помогла расстегнуть пуговицу. Такая мелочь вспоминалась отчетливее, чем все случившееся потом.

— После обработки повязки сняли? — спросила Эльза.

— Перед обращением. Вместе с одеждой. А когда Ян уже не смог вернуться, Лодер наложил новые. Я думала, он прикрывает поврежденную кожу.

— Именно поэтому нам потребовались пробы с тела. Чары закреплены на коже. Убрать наружную ткань недостаточно.

Я поставила кружку.

— Можно было случайно перепутать средство? Взять не ту банку?

— Сам состав без наложения заклинания такого действия не дает. Но кто и с какой целью использовал его, предстоит установить. Я могу отвечать за результаты обследования, а не за чужие намерения.

— Эти чары применяют для лечения?

— Нет. Их применение запрещено.

— Снимите их, — сказала я. — Пожалуйста. Сейчас можно?

— Сегодня начнем. Я буду размыкать воздействие постепенно. Между двумя сеансами ему понадобится отдых. Он слишком измучен, чтобы проводить все сразу.

Эльза показала на рисунке, с каких участков собирается начать. Пока она работает, Яну не нужно пытаться обращаться.

— Если ему станет больно, вы остановитесь?

— Мы будем следить за его состоянием. Я объясню ему, что делаю, и дам средство от боли. Вы можете остаться, если будете выполнять мои просьбы.

Я кивнула.

— Я останусь.

— Тогда сначала сходите к нему. Не торопитесь рассказывать все сразу. Скажите, что мы нашли, почему не получается вернуться, и попробуем помочь.

Выйдя в коридор, я остановилась возле окна, пытаясь собраться перед встречей с сыном.

Роос поднялся с места у двери.

— Вам нужна помощь?

— Они нашли чары. На Яне.

Он подождал, пока я продолжу.

— Вы ведь видели следы еще в замке. Вы тогда уже знали?

— Я видел похожие в другом деле. Там взрослых драконов незаконно удерживали в драконьем облике. Но похожего следа недостаточно для диагноза. Я сообщил врачам, что заметил. Сейчас вам лучше побыть с ним. Все, что нужно передать в суд, врачи готовят. Я отнесу материалы, которые поручено доставить.

Я вернулась к Яну и попросила сиделку оставить нас ненадолго. Сын повернул голову. Возле его передней лапы лежало покрывало, которое он оттолкнул, когда я пыталась поправить его утром.

Я села на низкий стул, чтобы ему не приходилось поднимать голову.

— Врач нашла, что тебе мешает. Это чары на коже. Их будут снимать. Сегодня начнут, а потом дадут тебе поспать.

Он смотрел на меня так внимательно, что я невольно заговорила медленнее.

— Тебе не нужно сейчас стараться вернуться. Не надо ничего доказывать. Сначала госпожа Ритт должна закончить свою работу.

Я протянула руку, остановив ее возле его щеки. Сын чуть придвинул голову, и я осторожно прикоснулась к сухой теплой чешуе.

Раньше он отворачивался, когда я целовала его при других. Ему было одиннадцать, он уже хотел казаться взрослым. Я помнила это и сейчас просто сидела, касаясь его щеки, пока он сам не закрыл глаза.

Перед началом лечения из палаты вынесли лишнюю мебель. Мне оставили стул у головы Яна. Эльза еще раз проверила перевязки, попросила коллегу приготовить все необходимое и показала сыну, где собирается работать.

— Вот здесь. Я буду касаться кожи рядом с полосами. Если захочется шевельнуть лапой, сначала посмотрите на меня, хорошо?

Он следил за ее рукой. Когда она закончила объяснять, медленно опустил голову на покрывало.

Я убрала руки на колени, чтобы не мешать врачу и не испугать Яна случайным движением.

Эльза положила пальцы по обе стороны первой темной линии. Между ними появился слабый свет. Она произнесла несколько негромких слов, и узкая полоска под чешуей начала бледнеть в одном месте.

Ян напряг лапу.

— Вижу, — сказала Эльза и убрала руку. — Сейчас подождем.

Она не торопилась продолжать, хотя я уже смотрела на нее с безмолвной просьбой не останавливаться. Лекарь проверил дыхание сына, поправил валик под его шеей. Только после этого Эльза снова коснулась кожи.

Я сидела, стиснув край юбки. Когда Ян поворачивал голову, говорила ему, что я здесь и что врач сейчас делает перерыв. Иногда он смотрел на меня, иногда закрывал глаза. Я больше не просила его открывать их ради моего спокойствия.

Работа шла медленно. Когда в середине темной линии появился светлый промежуток, я поймала себя на том, что задержала дыхание.

Потом Ян резко потянул лапу к себе. По его боку прошла дрожь, когти зацепили ткань. Я вскочила, но Эльза уже отняла руки.

— Все, на сегодня достаточно. Помогите убрать складку, он за нее зацепился.

Лекарь высвободил край покрывала. Ян положил лапу и затих.

— Но вы еще не закончили, — сказала я.

— Я закончила то, что можно было сделать сейчас.

— Он почти не дергался. Может быть, еще немного? Пока ему не так больно?

Эльза выпрямилась.

— Он устал. Если продолжим, ему придется снова бороться с болью и непроизвольным обращением. Нам нужен отдых до следующего сеанса. Я говорила вам об этом.

Я опустилась на стул. Даже этот короткий светлый участок давал мне надежду: я видела, как она убирает чары, и хотела, чтобы это продолжалось, пока Ян снова не окажется рядом со мной мальчиком.

Сын лежал неподвижно. Я посмотрела на него и разжала пальцы, в которых все еще была зажата юбка.

— Простите. Я подожду.

Эльза осмотрела обработанное место и объяснила, за чем будут следить ночью. Лекарь убрал принадлежности.

Перед уходом Эльза поправила валик под головой Яна.

— Если он отдохнет спокойно, завтра продолжим. Приступы могут еще повториться. Это не означает, что сделанное сегодня пропало.

Позднее сын сам потянулся к миске. Я попросила сиделку подать еду и держала посуду, пока он ел. Он осилил немного, но после этого задремал, вытянув лапы свободнее, чем утром.

Я вышла в соседнюю комнату и некоторое время стояла возле стола. Мне нужно было чем-нибудь занять руки.

В сумке нашлась мягкая рубашка, которую я взяла из шкафа Яна перед отъездом. Провела пальцем по внутреннему шву ворота. В одном месте он был грубоват. Спросила у сиделки иглу и нитки, села возле окна и подшила край тонкой полоской ткани.

Первые стежки вышли кривыми. Я распорол их и сделала заново. Работа была знакомая, небольшая; здесь я понимала, что нужно исправить и каким должен получиться результат. Когда закончила, снова провела пальцем по вороту и положила рубашку рядом с чистыми чулками.

Ночью Ян дважды просыпался от дрожи. Сиделка звала меня, как обещала. Я подходила, ждала окончания приступа и оставалась, пока он не успокаивался. Под утро заснула на своей кровати с незастегнутым воротом платья. Рубашка сына лежала на стуле, где я оставила ее вечером.

Четвертое утро после приезда палача началось с дождя. Он негромко стучал по наружному подоконнику. Я сидела у Яна и считала промежутки между его вдохами, пока не поняла, что снова делаю это без необходимости.

Лекарь сказал, что сын отдохнул лучше. Эльза, придя на осмотр, проверила вчерашние участки, провела рукой рядом со следами и попросила принести свежие полотна.

— Сегодня продолжим с другой стороны. Все нужные образцы уже взяты, подписи есть. Лечение больше ничему не мешает.

На этот раз я не спрашивала, когда все закончится. Показала сыну приготовленную рубашку и положила ее на стул подальше от воды.

— Я здесь буду сидеть, как вчера, — сказала я. — Если понадобится, позови.

Он посмотрел на рубашку, потом на меня. Я убрала ее в сумку, чтобы освободить стул для врача.

Эльза начала работать. Я следила за ее руками, но теперь замечала и то, как дышит Ян, когда ему нужно сменить положение, в какой момент он перестает дрожать. Лекарь оставался рядом с головой и говорил со мной, если я слишком резко подавалась вперед.

— Он чувствует, как вы двигаетесь. Сидите спокойно, госпожа Ларн. У нас есть место, мы успеем отойти.

Я прижала ступни к полу и осталась на месте.

Последняя темная полоса светлела долго. Эльза несколько раз останавливалась. Один раз попросила немного приподнять край покрывала, чтобы тот не терся о поврежденную кожу. Я держала ткань, пока мне не сказали опустить ее, и была рада этой простой работе.

Когда свет под пальцами Эльзы погас, Ян поднял голову.

Мне показалось, он хочет отодвинуться от нас. Его шея напряглась, крыло сдвинулось, и я уже начала вставать, чтобы освободить проход. Эльза быстро подняла руку.

— Аделина, оставайтесь. Он возвращается. Дайте ему место.

Я замерла у стула.

Лекарь шагнул к стене, оставляя свободным настил. Ян попытался подтянуть лапы, но на этот раз привычная судорога не прервала движение. Он свернулся, пряча голову, и я увидела, как исчезает темная чешуя возле плеча.

На покрывале появилась человеческая ладонь. Пальцы ухватили ткань и сразу выпустили. Эльза подняла приготовленную простыню.

— Не торопись, Ян. Лежи, как лежишь. Я рядом.

На настиле лежал мой сын. Каштановые волосы прилипли ко лбу. Он зажмурился от света и попытался подтянуть колени.

— Мам, накрой меня.

Я шагнула вперед и приняла у Эльзы край простыни. Мы укрыли его, и только тогда я смогла посмотреть ему в лицо.

— Не смотрите, — прошептал он, отвернувшись к стене.

Я сразу отошла к его голове, поправила ткань на плече и ответила:

— Хорошо. Все, ты накрыт.

Слезы текли по щекам, попадали на подбородок. Я вытирала их тыльной стороной ладони, боясь, что Ян услышит, как я плачу, и решит, будто опять сделал что-то не так.

Он открыл глаза.

— Мне холодно.

Эльза попросила одеяло. Пока его приносили, она проверила пульс сына и коротко поговорила с коллегой. Я поправляла простыню, хотя она лежала ровно. Мне все хотелось что-нибудь сделать, и приходилось останавливать себя, чтобы не мешать.

— Рубашка, — вспомнила я. — У меня есть его рубашка.

— Чуть позднее. Сейчас согреем и посмотрим, как он себя чувствует. Воду дадим понемногу.

Я опустилась на колени возле настила.

Ян высунул из-под одеяла руку. Я протянула свою, не зная, хочет ли он взять меня за пальцы или просит поправить ткань. Он сам ухватился за мою ладонь.

Рука была маленькой и горячей. Перед первым обращением я спорила с ним, что ногти нужно подстричь к занятиям. Теперь просто держала его и не могла вспомнить, чем кончился тот спор.

— Ты здесь была? — спросил он.

— Здесь. Все время, пока тебя лечили.

— Я слышал. Только говорить не мог.

Я наклонила голову, прижав его пальцы к своей щеке. Он не стал отнимать руку.

Эльза позволила нам немного побыть так, затем попросила освободить место для осмотра. Я пересела ближе к голове и держала руку сына, пока он сам не разжал пальцы.

Потом принесли низкую кровать на колесах. Двое служителей помогли перенести Яна, не снимая одеяла. Он морщился, когда пришлось пошевелить ногами, и я каждый раз порывалась спросить, где болит. Эльза уже спрашивала сама, поэтому мне оставалось слушать ответы.

Я узнала, что у него ломит плечи, саднит кожа на руках, тянет спину. Он отвечал тихо, сердился, когда не удавалось объяснить точнее, и один раз попросил, чтобы вопросов больше не задавали.

Эльза закончила осмотр и сказала мне, что действующих чар больше нет. Повреждения и слабость остались, ими еще предстояло заниматься. Затем она отошла, чтобы дать Яну отдохнуть.

Лишь тогда я поняла, как много сил тратила на попытки угадать, что с ним происходит. Теперь он мог сам сказать: «Не трогай», «Дай воды», «Мне неудобно». Я слушала каждую такую просьбу и старалась выполнить именно ее, не добавляя сразу еще десяток вопросов.

После отдыха мы надели на него мягкую рубашку. Я придерживала рукав, пока он осторожно просовывал руку. Сын нахмурился, когда ткань задела перевязку, но ворот не вызвал жалоб.

— Так лучше? — спросила я.

— Не знаю. Можно я пока полежу?

Я помогла ему устроиться и убрала сумку с края кровати. Когда поднесла кружку, он хотел взять ее сам, однако пальцы дрожали. Я поддержала снизу, позволив ему держаться за ручку.

Он выпил несколько глотков, посмотрел на дверь и тихо спросил:

— Лодер сюда придет?

Я поставила кружку.

— Нет. Тебя лечит госпожа Ритт.

— Если он скажет, что ему нужно посмотреть, не пускай. Мне не надо, чтобы он снова смотрел.

— Я скажу госпоже Ритт и дежурным. Его к тебе не пустят.

Сын закрыл глаза. Я еще некоторое время сидела у кровати, затем попросила сиделку остаться с ним и вышла к Эльзе. Передала просьбу Яна и дождалась, пока она при мне сообщит распоряжение дежурному.

Только после этого я позволила себе отойти от двери на несколько шагов.

Роос пришел под вечер. Я увидела его у стола смотрителя: он получил запечатанную папку и выслушал Эльзу, вышедшую из комнаты для осмотров.

— Все подписано, — сказала она. — Результаты исследования приложены. Господину Грису передайте, что мальчику нужен отдых. Сегодня он не будет отвечать на вопросы о случившемся.

— Передам.

Роос заметил меня и остановился. Я посмотрела на папку у него в руках.

— Это заключение, по которому должны отменить приказ?

— Да. Я передам его дознавателю, оттуда материалы поступят в суд. Вы получите решение отдельно.

Я сжала пальцами край манжеты.

— Я понимаю. Просто он уже человек, а бумага, по которой его собирались убить, еще существует.

— Ее исполнение запрещено. Сегодня никто не потребует от него нового обращения или еще одного доказательства. Пусть отдыхает.

Я кивнула. Он поправил папку под рукой, и мне вдруг захотелось попросить его идти быстрее. Я не сказала этого. Роос и без моей просьбы направился к выходу.

Вечером Ян съел немного супа и попросил убрать с кровати теплое покрывало: ему стало жарко. Я сняла его, потом еще несколько раз подходила проверить, не замерз ли сын под одеялом. На третий раз он открыл один глаз.

— Мам, я скажу, если будет холодно.

— Хорошо. Больше не буду поправлять.

Я отнесла покрывало на стул и села с книгой. В нее все еще были вложены судебные бумаги. Пришлось убрать их, прежде чем открыть нужную страницу.

— Почитать?

Он кивнул, не открывая глаз.

Я начала с того места, на котором стояла его закладка. Это была история о морском путешествии, с картой на развороте. До Грона, Лодера и коронных приказов в ней никому не было дела. Через несколько страниц я заметила, что Ян заснул, и тихо закрыла книгу.

Утром пятого дня он проснулся раньше меня. Лежал, разглядывая высокий потолок, и первым делом спросил, сможет ли сегодня встать.

Я позвала Эльзу. С ее помощью сын сел на кровати, немного посидел и попросил лечь обратно: кружилась голова. Я подала подушку и удержалась от предложения немедленно позвать второго врача. Эльза оставалась рядом, следила за ним и объясняла, что после нескольких дней тяжелого состояния силы не возвращаются сразу.

— Сегодня будем пробовать понемногу, — сказала она. — Сначала сесть, потом опустить ноги. До прогулок еще дойдем.

Ян отвернулся к окну и некоторое время лежал молча.

— Можно карту? — спросил он наконец.

Я раскрыла книгу на нужной странице. Он положил ладонь на край листа и стал рассматривать береговую линию. Я видела, что ему трудно долго удерживать голову, поэтому подложила еще одну подушку. На этот раз он не возражал.

Ближе к полудню пришел служащий из суда. Он назвал мое имя, попросил удостовериться, что вручает бумагу матери Яна Ларна, и протянул заверенное решение.

Первоначальный приказ отменяли. Заключение об одичании признавали необоснованным. Яна оставляли в лечебном дворе по медицинской необходимости под попечением матери, а обстоятельства выдачи приказа передавали для расследования.

— Это окончательная отмена? — спросила я. — Не еще одна отсрочка?

— Этот приказ больше не действует, госпожа Ларн.

Я расписалась в получении. Потом отнесла лист Эльзе, хотя знала, что ей прислали свой экземпляр, и попросила подтвердить, правильно ли я прочитала.

Она внимательно выслушала вопрос.

— Правильно. Обследование показало излечимую причину нарушения. От прежнего диагноза и приказа отказались. Дальше мы занимаемся восстановлением Яна.

Я разжала пальцы, сминавшие край листа. Впервые за последние дни мне не нужно было просить, чтобы нас подождали еще немного.

Когда вернулась в палату, Ян оторвался от карты.

— Что там?

Я села у кровати, положила документ рядом с собой.

— Суд отменил приказ. Тебя оставят здесь лечиться столько, сколько нужно. Госпожа Ритт сама скажет, когда можно уехать.

Сын долго смотрел на меня.

— Совсем отменил?

— Да.

Он опустил глаза на карту и прижал край страницы ладонью. Несколько мгновений водил пальцем вдоль нарисованной бухты, потом спросил:

— А бумагу можно у тебя оставить?

— Конечно. Я ее сохраню.

— Только не отдавай никому.

Я положила решение к остальным бумагам в сумке и показала сыну, где буду его хранить. Книгу оставила ему.

В тот же день Освальд сообщил мне, что Лодеру запретили принимать больных. Врача вызвали в Вестен, обязали оставаться в городе и являться для объяснений. Первые ответы он уже дал: настаивал, что произошла ошибка при подготовке.

— Ошибка? — переспросила я. — Госпожа Ритт сказала, что для этого нужно наложить заклинание.

— Поэтому мы проверяем его слова. Его назначениями и подлинностью заключений будут заниматься отдельно. Вы дали важные сведения, но мне нужно установить всю последовательность.

Он также сообщил, что разыскивает второго врача, чье имя стояло в первоначальных бумагах. Я снова попыталась вспомнить хоть одно чужое лицо в учебном дворе и ничего не смогла добавить.

Освальд не стал расспрашивать Яна. Поговорил с Эльзой и ушел, договорившись, что следующий разговор со мной будет через день, если не понадобится раньше.

К вечеру сын смог немного посидеть без головокружения. Попросил принести чистую воду и сам умыл лицо, держа мокрую тряпку обеими руками. Когда я потянулась поправить волосы у него на лбу, он уклонился.

— Они и так высохнут.

Я опустила руку. Он выглядел усталым, раздраженным, недовольным тем, что я все время стою рядом. Я так соскучилась по этому знакомому недовольству, что едва не улыбнулась. Вовремя отвернулась к столу: Ян решил бы, что я смеюсь над ним.

На шестой день он спросил об отце.

Мы завтракали в соседней комнате. С разрешения Эльзы Ян дошел до стула, опираясь на мою руку, и теперь сидел, укрыв колени одеялом. Я разламывала хлеб на небольшие кусочки, когда он отложил ложку.

— Папе сказали, что я вернулся?

Я положила хлеб на тарелку.

— Сказали. Ему сообщили и результаты обследования, и решение суда.

— Тогда почему он не приехал?

Я боялась этого вопроса с тех пор, как сын заговорил. Мне хотелось дать ему ответ, который не причинит боли, но придумывать для Гердана оправдание я не стала.

— Он не приходил, Ян. Почему, мне не сказал.

— Его не пускают?

— Сейчас для посещения нужно разрешение. Суд оставил тебя со мной и запретил забирать без нового распоряжения. Я вчера спросила смотрителя: просьбы о посещении от отца не было.

Сын придвинул к себе кружку. Я заметила, как сильно он сжал ручку, и заставила себя не говорить, что держать нужно осторожнее.

— Он ведь был в Гроне. Я слышал, как он говорил, что ты должна уйти.

— Я помню.

— Он хотел, чтобы я там остался? С тем человеком?

Я подвинула стул ближе.

— Отец требовал исполнить приказ. Я была против и осталась с тобой. Господин Роос остановил исполнение и вызвал другого врача. Так нас смогли перевезти сюда.

Ян смотрел в кружку.

— Папа знал про чары?

— Этого я пока не знаю. Дознаватель выясняет, кто и что делал перед твоим обращением.

— Может, Лодер ему тоже сказал, что я все равно не вернусь?

Я выдержала паузу. Мне хотелось ответить сразу, вспомнить каждую жестокую фразу Гердана, объяснить сыну, почему я больше не могу ему верить. Но Ян спрашивал о том, что сказал врачу отец и что услышал в ответ. При тех разговорах меня не было.

— Возможно. Я не знаю всего, о чем они говорили. Но я видела, что ты меня понимаешь, и просила отца дожидаться другой помощи. Он не согласился.

Сын отвернулся к окну. Я оставалась рядом, пока он молчал. Потом он попросил отвести его обратно к кровати.

Я помогла ему подняться. Он шел медленно, сердился на собственную слабость, а у кровати едва не оступился. Я поддержала его за локоть и подождала, пока он устроится.

— Мы вернемся домой? — спросил он.

— В замок пока не вернемся. Сначала ты должен окрепнуть. Я собираюсь поговорить с тетей Фридой, узнать, сможем ли мы пожить у нее после выписки.

— А мои вещи?

— Их заберут. Я составлю список.

Он некоторое время молчал, затем посмотрел на сумку у стены.

— Змея тоже. Только его нельзя складывать, бумага порвется.

— Я помню. Попрошу привезти целиком.

Ян кивнул. Я подала ему книгу и отошла к стулу, хотя мне очень хотелось остаться рядом и обнять его.

Через некоторое время он сам позвал:

— Мам, посиди пока здесь.

Я пересела к кровати. Мы долго молчали. Он листал книгу, возвращался к карте, то закрывал глаза, то снова смотрел на нарисованную береговую линию.

Освальд в тот день пришел раньше назначенного разговора: нужно было уточнить, какие вещи оставались в замке и кто имел доступ к приготовлениям. Когда Ян устроился отдыхать с сиделкой, я вышла к дознавателю.

Он раскрыл папку. Я смотрела на нее и вспоминала вопрос сына. Ян все еще ждал человека, который обещал полетать с ним над городом.

— Госпожа Ларн, я хотел уточнить ваши сведения. После обработки рук Лодер оставался с мальчиком один?

Я ответила, затем назвала людей, которых помнила возле учебного двора. Освальд записал и задал еще два вопроса о повязках.

— Вы рассматриваете это как врачебную ошибку? — спросила я, когда он закончил.

— Я рассматриваю разные объяснения и проверяю каждое. Наличие запрещенных чар уже подтверждено. Нам предстоит выяснить, как связаны их применение и ложное заключение, по которому появился приказ.

— Лодер знал, что сын пытается вернуться. Он видел это раньше вас, раньше Рооса. А потом велел надеть скобы и назвал Яна одичавшим.

Освальд положил перо.

— Эти обстоятельства записаны.

— Тогда выясните, кто велел ему это сделать. Было ли это его решением или он выполнял чужое распоряжение.

Дознаватель посмотрел на меня внимательнее.

— У вас есть сведения о заказчике?

— Нет. Поэтому я прошу вас их найти. Я должна знать, кому еще нельзя позволить приблизиться к моему сыну.

ГЛАВА 3. Комната для нас двоих

Утром я никак не могла застегнуть на себе платье. Одна из петель растянулась, пуговица выскальзывала, и у горла оставалась щель. Я трижды начинала сначала, пока Ян не сказал из соседней комнаты:

— Мам, у тебя другая петля. Ты одну пропустила.

Я посмотрела вниз. Он был прав.

Сын сидел в постели, прислонившись к подушкам. На коленях лежала раскрытая книга. Со своего места он видел меня в дверном проеме и, судя по выражению лица, наблюдал за моей борьбой уже довольно давно.

— Почему сразу не сказал?

— Думал, заметишь.

Я расстегнула платье до пояса и начала заново. Пальцы слушались плохо. Мне предстояло всего лишь дойти до теткиного дома, но я впервые собиралась оставить Яна на несколько часов и с утра находила причины задержаться.

— Если устанешь, позови сиделку. Она поможет тебе лечь.

— Ты уже говорила.

— И воду...

— Поставили. Мам, я вижу кувшин.

Я подошла к кровати и убрала с покрывала нитку, удержавшись от желания снова потрогать ему лоб.

— Я вернусь до обеда. Если тети не окажется дома, ждать не стану.

— Расскажи ей про змея. Он большой.

— Расскажу.

— Ему нужно место.

— Нам тоже.

Ян опустил глаза на карту. Я поцеловала его в висок и вышла, пока не придумала еще одну причину остаться.

Эльза разрешила мою отлучку накануне. Утром она осмотрела Яна, оставила назначения сиделке и сказала, что пока никаких новых процедур не будет. У ворот я все-таки остановилась, посмотрела на окна и только потом пошла.

До дома Фриды я добралась за полчаса. По дороге купила две мягкие груши — такие любил Ян. Торговка спросила, не нужны ли яблоки. Я покачала головой и заспешила дальше.

На теткиной двери висел прежний медный молоток с отбитым краем. Я постучала, услышала шаги и приготовилась улыбнуться.

Улыбнуться не получилось.

— Аделина?

Фрида стояла на пороге в фартуке, с закатанными рукавами. На указательном пальце белела мука. Она посмотрела на мое лицо, на маленький сверток с грушами и отступила.

— Входи. Что случилось?

Я переступила порог и заговорила, еще не сняв плаща. Про обращение Яна, про врача, про приказ. Фрида закрыла дверь. Когда я дошла до того, что сын несколько дней оставался драконом и не мог мне ответить, она взяла груши из моей руки и положила на скамью.

— Сядь.

— Мне лучше стоя.

— Хорошо. Тогда стой. Где он сейчас?

— На лечебном дворе. Он уже вернулся. Сам разговаривает. Его лечит Эльза Ритт.

Тетка медленно вытерла руки о фартук.

— А Гердан?

Я посмотрела на знакомую трещину в плитке под ногами. В детстве мне казалось, что это нарочно выложенная веточка.

— Остался в Гроне.

— Он был там, когда приехали за Яном?

— Да.

Самое страшное оказалось произнести здесь, в ее прихожей, среди сухих зонтов и развешанных на крючках платков: мой муж требовал, чтобы я оставила сына с палачом.

— Я могу у тебя пожить? — спросила я. — С Яном, когда его отпустят. Нам хватит одной комнаты. Я заплачу за еду и все остальное, только сначала нужно получить мои деньги.

Тетка посмотрела на меня так, что я сбилась.

— Если неудобно, скажи. Я знаю, ты привыкла одна...

— У меня две свободные комнаты внизу. Зачем вам тесниться в одной?

— Я подумала, ты не захочешь отдавать обе.

— В одной стоят сундуки. Они ничего не платят и занимают больше места, чем ты.

Я прижала ладонь ко рту. Смех вышел странный, с коротким всхлипом. Фрида шагнула ко мне, я уткнулась лицом в ее плечо и наконец обняла ее.

От фартука пахло тестом. Тетка гладила меня по спине, не приговаривая, что все уже хорошо. Я плакала недолго. Когда отстранилась, у нее на плече осталось темное пятно.

— Прости.

— Постираю. Пойдем посмотрим, куда вы поселитесь.

Комната для Яна выходила в маленький двор с яблоней и низким сараем. Кровать стояла у внутренней стены, под окном был стол с чернильным пятном на крышке. Фрида заверила, что рамы чинены весной и на постель не дует.

— У него воздушный змей, — сказала я. — Довольно большой.

— Во дворе запускать не выйдет. Зацепится.

— Пока запускать нельзя. Нужно где-нибудь поставить.

Фрида отодвинула от стены пустую корзину.

— Здесь подойдет?

Я кивнула и почему-то снова едва не заплакала.

Вторая комната была меньше. На полках лежало белье, у стены стояли два сундука. Узкая кровать оставляла проход как раз для одного человека.

— Сундуки уберу в кладовую, — сказала тетка. — Половину белья тоже. Только не вздумай сегодня двигать мебель. Что тебе нужно для денег?

Я объяснила про приданое. Оно было записано на меня, но распоряжения о выдаче проходили через хозяйственную контору Гердана. Обычно достаточно было сказать, что мне требуется. В последние годы приходилось напоминать. Иногда дважды.

Раньше я называла это неудобством. Сейчас не могла купить сыну обувь, не считая оставшиеся монеты.

— Поговорю в суде, — закончила я. — На дорогу и несколько покупок у меня есть. За первые дни рассчитаюсь позже, если позволишь.

Фрида назвала сумму за еду, дрова и помощь женщины, которая приходила к ней стирать. Я прибавила мыло, свечи, поездки с Яном на осмотры. Выходило посильно. Мы договорились, что я буду отдавать деньги в начале недели, а за первые дни рассчитаюсь, когда получу свои средства.

— Если нужно, чтобы я побыла с мальчиком, скажи заранее, — добавила тетка. — Я по утрам иногда ухожу. Не вздумай молчать, а потом мучиться, как меня отпустить.

— Скажу. Обещаю.

Фрида накормила меня хлебом с сыром и завернула груши.

О Селесте я сказала уже у двери.

Тетка замерла, держа мой плащ.

— Давно?

— Не знаю, когда началось. Я увидела их вместе за несколько дней до обращения.

— Он отрицает?

Я покачала головой.

Фрида помогла мне расправить воротник.

— У тебя ключа нет. Подожди.

Она сняла с крючка короткий железный ключ, проверила его в замке и положила мне на ладонь.

— Верхний засов днем не закрываю. На ночь будем договариваться, чтобы ты не стучала.

Я сжала ключ.

— Тетя...

— Я поняла. Иди к Яну. Вечером начну освобождать комнаты.

Обратно я шла быстрее. В лечебном дворе пахло вареной крупой и мокрой тканью. Сиделка остановила меня у двери, и я сразу спросила:

— Что?

— Спит. Минут двадцать назад уснул. Не будите ради обеда, я оставила ему поесть.

Я заглянула в комнату. Ян лежал на боку, подложив ладонь под щеку. Книгу убрали на стол. Ничего не произошло за те часы, пока меня не было.

Я села рядом и положила ключ возле груш.

На следующее утро я отправилась в суд. Освальд объяснил, в какой приемной разбирают просьбы о личных средствах супругов, и передал туда подтверждение, что мы с Яном остаемся в Вестене из-за разбирательства. Служащий нашел запись о моем приданом в городском реестре. За бумагами к Гердану ехать не потребовалось.

— Вам нужна вся сумма?

— Сейчас — на жилье, одежду и обычные расходы. Окончательный расчет я буду требовать при разводе.

Он поднял голову.

Я сама услышала то, что произнесла.

— Просьба о прекращении брака уже подана?

— Еще нет.

— Это отдельное обращение. Для временного распоряжения о ваших деньгах ждать его не требуется.

Днем судья разрешил выдачу необходимой части средств и запретил хозяйственной конторе мужа задерживать ее до его согласия. Распоряжение направили городскому поверенному, через которого шли расчеты Грона. Мне велели прийти к нему на следующий день.

В тот же день я составила перечень вещей из замка.

Начала с одежды Яна: теплые чулки, мягкие рубашки, куртка без жесткого воротника. Попросила его старые башмаки, потому что новые еще натирали пятку. Вписала книгу с рисунками птиц, коробку мелочей со стола, воздушного змея и две ленты. Подчеркнула: не разбирать и не сворачивать.

Для себя я вписала платье, белье, теплый плащ и рабочую шкатулку. Задержалась на синем платье, которое Гердан заказывал для зимнего приема. Оно было хорошим, почти новым. Я оставила его в списке.

Внизу добавила домашнюю тетрадь из верхнего ящика в моей комнате. Я записывала туда расходы, выдачу белья, особые поручения и приготовления к приездам. Перед первым обращением Яна дел было много; часть назначений Лодера я тоже записала, чтобы ничего не перепутать.

Освальд, которому я отдала перечень, задержал на этой строке палец.

— Там есть даты?

— Да. И что велели приготовить. В шкафу рядом с тетрадью должен остаться сверток с чистыми повязками. Из него брали для Яна.

— Вы пользовались остатком?

— Нет. Я сама убрала его на полку.

— Укажите место. Эти вещи передадут отдельно.

Я описала ящик, полку и бумагу, в которую было завернуто полотно. Затем спросила, нужно ли мое присутствие в замке.

— Нет. Вещи заберет коронный служащий по описи. Материалы для проверки передаст отдельно.

Я взяла перо и еще раз обвела слова о змее.

Освальд посмотрел на них, потом на меня.

— Я скажу, чтобы закрепили его в повозке.

— Благодарю.

Больше мне нечего было добавить. Я отдала перечень и пошла к сыну.

Наутро поверенный выдал мне деньги под расписку. Я пересчитала их при нем. Раньше мне было бы неловко это делать.

На обратном пути я купила себе новые чулки, Яну — мягкую домашнюю обувь, а еще мыло и небольшой кусок синей ткани. У сына расползся шов на мешочке для мелочей, и я обещала заменить его. Ничего праздничного в покупках не было, но мне хотелось самой нести сверток, не отдавая его носильщику.

Вещи из Грона привезли после полудня к Фриде. Я пришла туда, оставив Яна отдыхать после осмотра. Эльза разрешила ему немного ходить по комнате с поддержкой и была довольна тем, как заживали руки. О выписке она обещала поговорить через два дня, если не появятся новых жалоб.

Фрида встретила повозку у ворот. Змей лежал поверх сундука, привязанный к двум дощечкам через полосы ткани. Я сначала развязала его, проверила тонкие рейки и лишь потом взялась за опись.

— Цел? — спросил служащий.

— Да. Спасибо, что закрепили.

— Там крыло за борт цеплялось. Иначе не довезли бы.

Мои платья пахли шкафом в спальне. Я закрыла крышку сундука, не расправляя их.

Тетрадь и повязки лежали в отдельной жесткой сумке. Служащий не отдал ее мне: Освальд должен был принять находки и показать их для опознания. Я проверила, что в описи верно указано место, откуда их забрали, и расписалась за одежду и личные вещи.

Вечером дознаватель пришел на лечебный двор. Тетрадь я узнала еще до того, как он ее раскрыл: нижний угол обложки был обожжен. Прошлой зимой я оставила ее слишком близко к свече.

— Ваша?

— Да.

Освальд дал мне перелистать страницы, а сам записывал даты, которые я называла. Между выдачей полотенец и расходом сушеных яблок нашлись три приезда Лодера. Первый — за восемь дней до обращения, второй — за три. Последний был утром того дня, когда Ян не смог вернуться человеком.

На полях стояла короткая запись: «Не давать сливки». Ян обиделся тогда за завтраком. Я велела убрать с общего стола кувшин, чтобы не дразнить его, и Гердан сказал, что сыну пора привыкать к ограничениям.

Я провела пальцем под строчкой, не касаясь чернил.

— Во второй приезд Лодер задержался до вечера. Пообедал у нас.

— Сам осмотр вы помните?

— Да. Он проверял, как Ян чувствует изменение в руках. Никаких составов при мне тогда не наносил. В первый приезд я не все время была рядом. Вышла, когда принесли белье, вернулась через несколько минут.

— Это я тоже отмечу.

Раньше я постаралась бы вспомнить, сколько именно минут меня не было, и, наверное, назвала бы число. Теперь сказала только то, что знала.

В свертке оказалась одна неиспользованная полоса полотна. На бумаге я узнала свою пометку о ширине: я проверяла заказ перед подготовкой Яна и складывала повязки в этот пакет. Освальд записал мое объяснение.

— На ней тоже могут быть чары? — спросила я.

— Проверят. Чистый остаток нужен для сравнения с тем, что сняли с ребенка. Сам по себе он не доказывает, кто и что сделал.

Освальд вновь закрыл сумку. Тетрадь тоже осталась у него; хозяйственные записи я могла переписать позже.

Я составила последовательность осмотров. В нескольких местах оставила пробелы: я не знала, куда Лодер уходил после второго обеда и что говорил с Герданом без меня.

— Служанка, которая убирала у Яна, подтвердила эти три дня, — сказал Освальд, сверившись с записью. — Ее опросили сегодня в Гроне. Она приносила воду в первый приезд, меняла белье во второй и помогала готовить помещение утром обращения. О содержании ваших разговоров она не знает.

Потом мы поговорили о переезде. Я назвала адрес Фриды. Освальд записал его для суда: после разрешения Эльзы нужно было закрепить новое место пребывания Яна и сохранить ограничения для отца.

— Роос передает исполнение первых охранных распоряжений городскому караулу, — сказал он. — Договоритесь, когда он сможет застать вас с хозяйкой дома. Вам обоим должны объяснить, к кому обращаться и кто будет приходить.

Я назвала следующий вечер. Фрида ждала меня разбирать вещи; за ужином я собиралась рассказать ей, какую помощь может потребовать Ян.

Когда дознаватель ушел, сын попросил показать покупки. Я достала обувь. Он потрогал мягкую подкладку и спросил, цел ли змей.

— Стоит в твоей комнате у тети. В углу, возле окна.

— А стол есть?

Я рассказала ему про стол, яблоню и сарай. Он уточнил, куда выходит дверь и далеко ли моя комната. Пришлось нарисовать на обороте счета весь первый этаж. Ян отметил ногтем проход между комнатами и вернул мне лист.

— Дверь ночью можно не закрывать?

— Можно.

Он кивнул и стал примерять обувь. Я придержала ему ногу, пока он просовывал пятку, а затем отодвинулась, чтобы вторую он надел сам.

На следующий день я отправилась к Фриде ближе к вечеру. Ян знал, что я вернусь после ужина. Сиделка осталась с ним, а Эльза собиралась еще заглянуть перед своим уходом. Я все равно спросила, не лучше ли мне перенести дела на утро.

— Ты тогда опять будешь бежать, — ответил сын. — И ничего не поешь.

— Я ем.

— Вчера ты доела мою кашу. Это не считается.

Я хотела возразить, но он уже придвинул книгу.

У тетки я переделалась в привезенное из замка платье. Оно немного свободнее сидело на талии, зато воротник был цел. Я вымыла лицо, провела влажными ладонями по волосам и переплела косу. Рабочая шкатулка нашлась на полке в маленькой комнате. Я достала из нее две шпильки и закрепила выбившиеся пряди.

Фрида постучала в косяк.

— Поможешь мне с яблоками? Нужно успеть в печь, пока не остыла.

Мы разрезали яблоки, вынули сердцевины и поставили их запекаться. Фрида поручила мне следить за луком, а сама отправилась за сухими дровами.

Стук в дверь раздался, когда я перекладывала лук к картофелю. Пришлось вытереть руки и поспешить в прихожую.

Роос пришел с коронным стражником, назначенным передать распоряжение местному караулу. Они показали Фриде предписание, объяснили, как будет устроена охрана, и оставили имя старшего с адресом караульни. Пост не собирались размещать у постели Яна. Стражникам надлежало следить за подходами к дому и не пропускать к ребенку людей вопреки судебному запрету.

— Если Гердан приедет и потребует открыть? — спросила Фрида.

— Не вступайте в спор. Позовите караульного. Без разрешения на посещение он не пройдет, — ответил Роос. — Распоряжение сохраняется при переезде. Суду понадобится заключение врача; господин Грис это оформляет.

Стражник вышел с теткой к боковой калитке, проверил проход, затем попрощался и ушел на службу. Роос задержался, пока я читала оставленный нам лист. Я сказала, что завтра Эльза решит, можно ли Яна отпускать. Точный день переезда еще предстояло сообщить караулу.

Фрида вернулась с пустым ведром. Я посторонилась, пропуская ее на кухню, и заметила, что Роос уже взялся за дверную ручку.

— Вы ужинали?

Вопрос вышел сам собой. Я не собиралась его задавать, пока он не начал уходить.

— Еще нет.

— Поешьте с нами. Я все равно останусь у тети до конца ужина, а к Яну мне нужно вернуться позже.

Он посмотрел в сторону кухни.

— Я не хотел бы нарушать ваши планы.

— На троих картофеля хватит, — отозвалась Фрида. — А если не хватит, есть хлеб. Снимайте плащ.

Роос остался возле двери еще на мгновение, потом расстегнул застежку. Я приняла у него плащ. Ткань была тяжелой, прохладной от вечернего воздуха. Под ней оказался обычный темный камзол, чуть потертый на сгибах локтей.

Умывальник стоял в пристройке. Фрида показала гостю, куда пройти, а я поставила третью тарелку и переложила из нее лопнувшую картофелину в свою.

— Зачем? — спросила тетка.

— Эта целее.

— Он разрежет ее через минуту.

Я посмотрела на обе тарелки, и мы тихо засмеялись.

Роос вернулся, когда я разливала настой из сушеных ягод. Он остановился у стола, ожидая, пока мы сядем. Фрида уже держала миску обеими руками и не могла отодвинуть себе стул.

— Мартен, садитесь вот сюда. Аделина, заberi у меня это, пока я не опрокинула.

Я подхватила миску. Он сел.

Первые несколько минут мы ели почти молча. Я спросила Фриду о плотных шторах для комнаты Яна, она рассказала, что есть подходящий отрез, только его нужно подшить. Роос

слушал и отвечал, когда обращались к нему. Ел спокойно, однако, предложив ему добавку, я услышала:

— Спасибо, достаточно.

На блюде еще оставалась половина картофеля.

— Вы не обязаны доедать, если не хочется, — сказала я. — Но если хочется, берите. Тетя завтра варит суп.

Он посмотрел на меня, и в уголках его глаз появились мелкие складки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.